

После минутного молчания изысканная графиня наконец спросила:

— Мадам, о чём вы говорите? Кажется, я неправильно вас услышала? Неужели я допустила ошибку во время своего пребывания в поместье?

Бирюзовые глаза Лукреции были широко раскрыты, а сама она казалась крайне удивленной. Глядя на неё, можно было бы подумать, что она действительно не совершала никаких злонамеренных деяний.

Какое искусное представление. Холодная ухмылка исказила моё лицо. Я была готова поаплодировать столь умелому выступлению.

— Должна сказать, вы меня удивили. Раздавать взятки сотрудникам за их молчание весьма умный ход с вашей стороны. Я действительно о многом не знала, вот только знаете что?

Графиня Лукреция напряглась и спросила:

— О чем вы говорите, мадам?

— Нет нужды притворяться, я прекрасно вас понимаю. Наверное, нелегко быть самым младшим ребенком в семье? Недостаток внимания очень сильно бьет по самооценке. Какая жалость... Как вам, должно быть, было тяжело так поступать со своими племянниками и племянницей.

Затягивать с этим представлением не было нужды. Я хотела поскорее закончить этот концерт и растоптать столь очевидное тщеславие графини, а потому шла напролом.

Благородное лицо Лукреции стало блее бумаги, и тогда лорд Валентино приобнял сестру за плечи, словно защищая её, и уставился на меня своими зелеными холодными глазами.

— Не слишком ли много вы себе позволяете? Я начал задаваться вопросом, получали ли вы надлежащее образование?

Их никчемные попытки казаться ни в чём невиноватыми были смешны. Оглядев лорда с головы до ног, я с уверенностью сказала:

— Я подумываю о том, чтобы вычеркнуть вас из генеалогии рода Нойванштайн. Если мои слова дойдут до дела, тогда вы очень пожалеете.

Выражение лица лорда Валентино не поддавалось описанию. Казалось, он не мог поверить своим ушам, буквально источая гнев и смятение.

— Вы... Какое вы имеете право так... — лорд едва не задыхался от возмущения, все его лицо покраснело, из-за чего он выглядел до смешного нелепо.

— Разве не обо мне говорят, как о хладнокровной женщине? Не я ли по слухам планирую бросить этих детей, невзирая на то, что воспитывала их в течение последних двух лет? Так... Так неужели есть что-то еще, что я не могу сделать? Дам вам совет. Для вашей же безопасности, вам лучше больше никогда не искать со мной встреч.

Неожиданно графиня изменилась в лице и, сбрасывая свою маску благонамеренности, едва не закричала:

— Эта шлюха... переходит все границы!

— Леди Лукреция, я не ваша племянница и терпеть ваши выходки не стану. Вам было бы лучше следить за своим языком.

На мой ответ графиня лишь улыбнулась и буквально через пару секунд я почувствовала, как горит моя щека. Лукреция дала мне пощечину и, смотря на меня с глумливым выражением лица, надменно спросила:

— Кем ты себя возомнила?

Должна признать... это было неожиданно. Я не имела такой самоконтроль, чтобы спустить подобное с рук. Прошло так много времени с тех пор, как меня кто-то бил...

Прикрыв глаза на мгновение, я подняла ладонь и также сильно ударила графиню Лукрецию по щеке. Её бирюзовые глаза вытаращились на меня, словно она только что узрела чудо и не могла поверить в его реальность. Как глупо, неужели она думала, что я не осмелюсь ответить ей той же монетой?

Как жаль, что я проинструктировала рыцарей не вмешиваться, что бы ни происходило в кабинете, даже если я позову их.

— О, Боже, ты просто дьяволица! — неожиданно раздался горький крик.

Это заставило меня, Лукрецию и Валентино одновременно посмотреть на дверь.

Ох, я же сказала рыцарям никого ко мне не впускать! Впрочем... Конечно, они не могли остановить наследников рода, коли те были настроены серьезно... И все же!

Я даже не успела испугаться, когда дети внезапно ворвались в комнату, юрко уворачиваясь от цепких рук рыцарей. Те пытались их аккуратно задержать, но все было тщетно. Вырвавшись

вперед Рейчел сразу же набросилась на свою тетюшку, едва не рыча подобно маленькой львице:

— Ты злая и ужасная дьяволица! Как ты смеешь запугивать нашу фальшивую маму?! Что плохого в фальшивой маме? Она нравилась нашему отцу! Нравилась даже больше чем мы!

Все наблюдали за тем, как она яростно била кулаками, кусала и пинала графиню Лукрецию, но ничего не делали. Естественно графиня не ожидала подобного, а потому упала на пол, громко вскрикнув:

— Боже!

Рейчел не отпускала тетю ни на секунду, она громко плакала и кричала:

— Вы с дядей такие плохие! И учительница, которую ты пригласила, просто ужасная!

Леон кивнул, подбегая ко мне, и заплакал вслед за сестрой.

Ошеломленный открывшейся картиной, лорд Валентино быстро взял себя в руки и снисходительно посмотрел на меня. Этот нахал словно спрашивал: «Ну и что плохого в воспитании этих ребятишек?» и пошёл предотвращать убийство своей сестры.

Когда Рейчел приходила в ярость, то становилась похожа на обезумевшего хищника, и удерживать её становилось практически невозможно. Вцепившись в свою жертву, она не выпускала её до последнего.

Когда мне все же удалось отцепить девочку от графини, я аккуратно прижала её заплаканное лицо к себе, а Лукреция, наконец, поднялась на ноги. Она была очень потрепанной и усталой, ее волосы были спутаны, а сама графиня слегка пошатывалась. На её лице застыло смущение и нерешительность, но вскоре Лукреция пришла в себя. Переведя взгляд на Элиаса, который вздрагивал, но упрямо смотрел на дядю, она внезапно вцепилась в него и начала извиняться:

— Элиас, мой дорогой племянник, прости меня, мой хороший! Пожалуйста, прости, если я ненамеренно причинила тебе боль. Ты же знаешь, как сильно я люблю тебя! Я думала только о твоём благополучии!

Графиня Лукреция с растрепанными волосами и царапинами на щеках представляла собой действительно впечатляющее зрелище. Она прижимала голову Элиаса к своей груди, периодически осыпая поцелуями его изумленное лицо, и постоянно взывала:

— Как бы я смогла причинить тебе боль нарочно? Все, что я делала, было ради тебя. Я не ожидала, что все обернется таким образом! Пожалуйста, пойми, взрослые тоже допускают ошибки!

Близнецы взглянули на мое лицо и еще крепче прижались ко мне. Их большие мерцающие глаза застыли в замешательстве и тревоге, неподдающейся описанию, а обескураженный Элиас, казалось, прирос к полу, никак не реагируя на слова тети.

Видя подобную реакцию племянника, Лукреция пришла в смятение. Волнение и беспомощность промелькнули в её глазах, наполненных слезами, и она с новой силой рассыпалась в поцелуях и объятиях.

Придя в себя, Элиас перевел взгляд на меня и прижимающихся ко мне близнецов, убрал от себя руки графини и отступил в нашу сторону.

Именно в этот момент на сцену вышел еще один актер, иронично спрашивая:

— Ах, вы еще не закончили?

Вот что он-то тут забыл?

Конечно, это был Джереми, еще одна моя заноза в заднице.

Оставив рыцарей позади, он гордо вошел в комнату, достаивая каждого пристальным взглядом. Должно быть, он уже знает, что здесь произошло...

<http://tl.rulate.ru/book/96828/2252184>